

12296

320

ДВЕ РЕЧИ.

МУЗЕЙ
НАРОДНОЙ ПЕЧАТИ

ПРИ

I. Речь Петра Алексеева.

Предисловие Г. Плеханова.

II. Речь Варлена перед судом исправительной
полиции.

Предисловие В. Засулич.

Цена 70 коп

ПЕТРОГРАД.

Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.
1918.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАД
Петрогр. Совета Раб. и Красноарм. Деп.

Смольный Институт, 2-й этаж, комн. 51,

тел. 34. Контора, комн. 54.

Вышли из печати:

	Цѣна.
	Р. К.
Н. Афиногенов (Степной). «Записки ополченца»	1 25
Гайк Ад-нц. «Крестьянский вопрос во Франции»	— 55
Ватин. «Что такое коммуна»	— —
В. Володарский. «Напутственная речь агитаторам»	— 50
«Враги ли евреи рабочим и крестьянам»	— 20
«Венок коммунаров, сборник памяти В. Володарского (с рис.)»	2 —
Н. Горлов. «Темные силы, война и погромы»	— 15
«Евреи, классовая борьба и погромы»	— 10
Г. Зиновьев. «Корни оборончества»	1 10
Его же. «Наше положение и задачи создания красной армии»	— 25
Его же. «Австрия и война»	1 80
Его же. «Из истории пролетарского праздника 1-го мая»	— 30
Его же. «Г. В. Плеханов». Вместо речи на могиле	— 45
Его же. «Хлеб, мир и партии»	— 70
Его же. «Рабочая партия и профессиональные союзы»	— —
К. Каутский. «Наука, жизнь и этика»	— 30
Его же. «К. Маркс и его историческое значение»	1 25
Его же. «Экономическое учение К. Маркса»	2 —
Кий. «Что такое социализм»	— 65
П. Лафарг. «Вера в Бога»	— 75
Н. Ленин и Г. Зиновьев. «Против течения» (печ. 2-е изд.)	7 —
В. Либкнехт. «1848-й год и коммуна»	1 30
З. Лилина. «Солдаты тыла» (женский труд до и после войны)	2 10
А. Луначарский и Г. Зиновьев. «К. Маркс и социальная революция»	— 65
М. Лурье (Ю. Ларин). «Суд над К. Либкнехтом»	— 45
Его же. «Крестьяне и рабочие в русской революции»	— 40
Его же. «Состав пролетариата» (2-е изд.)	— 65
К. Маркс. «Либералы у власти»	— 65
К. Маркс и Ф. Энгельс. «О коммунизме»	— 70
Марклевский. «Что такое политическая экономия»	— 50
«Наш рабочий праздник 1-го мая»	— 20
«Памяти К. Маркса». Сборник статей, (печ. 2-е изд.)	3 —

«Дом Плеханова»
№ 1005

ДВѢ РЪЧИ.

I. Рѣчь Петра Алексѣева.
Предисловіе Г. Плеханова.

II. Рѣчь Варлена передъ судомъ исправительной
полиціи.

Предисловіе В. Засуличъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Издание Петроградского Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

«Дом Плеханова»
№ 2000

1. Рѣчь Петра Алексѣева.

Изъ предисловія Г. В. Плехова.

Въ 1877 году въ теченіе 22 дней, съ 21-го февраля по 14 марта, въ Петербургѣ, въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената происходилъ судъ надъ 50 лицами, обвиняемыми въ социальнo-революціонной пропагандѣ между рабочими различныхъ фабрикъ, т.-е. въ распространеніи между ними социалистическихъ и революціонныхъ ученій. Въ числѣ обвиняемыхъ было нѣсколько человекъ рабочихъ, и между ними Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, крестьянинъ деревни Новинской, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Когда судьи предложили ему выбрать себѣ защитника (адвоката), онъ отвѣтилъ: «Что мнѣ защитникъ?! Какой смыслъ имѣетъ защита, когда всякому извѣстно, что въ подобныхъ процессахъ приговоръ суда бываетъ составленъ заранее, такъ что весь этотъ судъ есть не болѣе, какъ комедія: защищайся, не защищайся, все равно. Я отказываюсь отъ защиты». 10 марта онъ произнесъ свою рѣчь, въ которой не защищался и не оправдывался, а напротивъ, обвинялъ правительство и капиталистовъ. Мы издаемъ эту рѣчь для русскихъ рабочихъ. Она принадлежитъ имъ по праву. Не велика она, но пусть прочтутъ ее рабочіе, и они увидятъ, что

въ ней, въ немногихъ словахъ, сказано много и много такого, надъ чѣмъ имъ стоитъ крѣпко призадуматься. Правда и то, что рѣчь эта не богъ знаетъ какъ искусно составлена. Если она попадетъ въ руки какому-нибудь «настоящему», «заправскому» писателю, то онъ безъ труда найдетъ въ ней много недостатковъ. Начать ее,—скажетъ онъ,—нужно было такъ-то, а продолжать вотъ какъ; въ середину вставить вотъ то, а къ концу подогнать вотъ это. Но дѣло не въ томъ, какъ сказалъ Петръ Алексѣевъ; дѣло въ томъ, что сказалъ онъ. Сказалъ же онъ вещи не только совершенно вѣрныя, но еще глубоко имъ прочувствованныя. Описывая бѣдственное положеніе русскихъ рабочихъ, онъ снова, въ залѣ суда, испытывалъ то негодование, ту злобу противъ враговъ рабочаго класса, которыя заставили его сдѣлаться революціонеромъ. Вотъ почему нельзя читать его рѣчи безъ увлеченія, хотя въ ней, съ внѣшней стороны, безспорно есть недостатки.

Петръ Алексѣевъ говоритъ главнымъ образомъ о тяжеломъ положеніи своихъ товарищей, русскихъ рабочихъ. Но мимоходомъ упоминаетъ о томъ, какъ могутъ рабочіе выйти изъ такого положенія. «Русскому рабочему народу остается надѣяться только на самого себя»,—говоритъ онъ.—Это такъ же справедливо, какъ и все сказанное имъ въ своей рѣчи. Цѣлые милліоны рабочихъ западно-европейскихъ странъ давно уже пришли къ этой мысли. Когда въ 1864 г. въ Лон-

донѣ образовалось Международное Рабочее Общество, то въ уставѣ его было прежде всего сказано: Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ! Это значитъ, что рабочій классъ не долженъ рассчитывать ни на правительство, ни на высшіе классы (дворянство, купечество и т. п.), потому что ни правительство, ни высшіе классы, живущіе на счетъ труда рабочихъ, никогда ничего для нихъ не сдѣлаютъ. Рабочимъ остается позаботиться самимъ о себѣ. На западѣ передовая партія рабочихъ смотритъ теперь на это дѣло такъ: по ея мнѣнію, рабочіе должны сдѣлать революцію: свергнуть существующія правительства и, захвативши государственную власть въ свои руки, распорядиться съ своими притѣснителями по своему. Этого, конечно, вдругъ не сдѣлаешь, для этого нужна сила и большая сила. До сихъ поръ еще многіе рабочіе не понимаютъ своихъ собственныхъ выгодъ и сами поддерживаютъ теперешніе порядки. Революціонная рабочая партія должна убѣдить, просвѣтить ихъ, растолковать имъ свои цѣли и стремленія, перевести ихъ на свою сторону. Этимъ она и занимается во всѣхъ западныхъ странахъ. Этимъ и у насъ въ Россіи слѣдуетъ заняться понявшимъ дѣло рабочимъ. Чѣмъ скорѣе они возьмутся за это, тѣмъ скорѣе придетъ время побѣды.

Г. Плехановъ.

Рѣчь Петра Алексѣева.

Мы, миллионы людей рабочаго населенія, чуть только станемъ сами ступать на ноги, бываемъ брошены отцами и матерями на произволь судьбы, не получая никакого воспитанія, за неимѣніемъ школъ и времени отъ непосильнаго труда и скуднаго за это вознагражденія. Десяти лѣтъ—мальчишками насъ стараются проводить съ хлѣба долой на заработки. Что же насъ тамъ ожидаетъ? Понятно, продаемъ капиталисту на сдѣльную работу изъ-за куска чернаго хлѣба, поступаемъ подъ присмотръ взрослыхъ, которые розгами и пинками приучаютъ насъ къ непосильному труду; питаемъ кое-чѣмъ, задыхаемся отъ пыли и испорченнаго, зараженнаго разными нечистотами воздуха. Спимъ, гдѣ попало—на полу, безъ всякой постели и подушки въ головахъ, завернутые въ какое-нибудь лохмотье и окруженные со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ разныхъ паразитовъ... Въ такомъ положеніи нѣкоторые навсегда затупляютъ свою умственную способность, и не развиваются нравственныя понятія, усвоенныя еще въ дѣтствѣ; остается все то, что только можетъ выразить одна грубо воспитанная, всѣми забытая, отъ всякой цивилизаціи изолированная,

мускульнымъ трудомъ зарабатывающая хлѣбъ, рабочая среда. Вотъ что намъ, рабочимъ, приходится выстрадать подъ ярмомъ капиталиста въ этотъ дѣтскій періодъ! И какое мы можемъ усвоить понятіе по отношенію къ капиталисту, кромѣ ненависти? Подъ вліяніемъ такихъ жизненныхъ условій съ малолѣтства закаляется у насъ рѣшимость до поры терпѣть, съ затаенной ненавистью въ сердцѣ, весь давящій насъ гнетъ капиталистовъ и безъ возраженій переносить всѣ причиняемыя намъ оскорбленія.

Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; изъ этого заработка всѣ капиталисты безъ зазрѣнія совѣсти стараются, всевозможными способами, отнимать у рабочихъ трудовую копѣйку и считаютъ этотъ грабежъ доходомъ. Самые лучшіе для рабочихъ изъ московскихъ фабрикантовъ и тѣ, сверхъ скуднаго заработка эксплуатируютъ и тиранятъ рабочихъ слѣдующимъ образомъ. Рабочій отдается капиталисту на задѣльную работу, безпрекословно и съ точностью исполняетъ всѣ рабочіе дни и работу, для которой поступилъ, не исключая и безплатныхъ хозяйскихъ чередовъ. Рабочіе склоняются передъ капиталистомъ, когда имъ, по праву или не по праву, пишутъ штрафъ, боясь лишиться куска хлѣба, который достается имъ 17-ти часовымъ дневнымъ трудомъ. Впрочемъ, я не берусь описывать подробности всѣхъ злоупотребленій фабрикантовъ, потому что слова мои могутъ показаться

неправдоподобными для тѣхъ, которые не хотятъ знать жизни работниковъ и не видѣли московскихъ рабочихъ, живущихъ у знаменитыхъ русскихъ фабрикантовъ: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и другихъ...

Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ. Это все равно. Вы можете этого не говорить.

Петръ Алексѣевъ. Да, дѣйствительно, все равно, вездѣ одинаково рабочіе доведены до самаго жалкаго состоянія. 17-ти часовой дневной трудъ—и едва можно заработать 40 копѣекъ! Это ужасно! При такой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ приходится выдѣлять изъ этого скуднаго заработка на поддержку семейнаго существованія и уплату казенныхъ податей! Нѣтъ! при настоящихъ условіяхъ жизни работниковъ невозможно удовлетворять самымъ необходимѣйшимъ потребностямъ человѣка. Пусть пока они умираютъ голодной медленной смертью, а мы, скрѣпя сердце, будемъ смотрѣть на нихъ до тѣхъ поръ, пока освободимъ—изъ подъ ярма нашу усталую руку, и свободно можемъ тогда протянуть ее для помощи другимъ! Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти какъ-то прискорбно, а въ особенности сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ человѣку, который чуть ли не съ самой колыбели всю свою жизнь зарабатывалъ 17-ти часовымъ трудомъ кусокъ чернаго хлѣба. Я нѣсколько знакомъ съ рабочимъ вопросомъ нашихъ собратъевъ-западниковъ. Они во многомъ не по-

ходятъ на русскихъ: тамъ не преслѣдуютъ, какъ у насъ, тѣхъ рабочихъ, которые всѣ свои свободныя минуты и много бессонныхъ ночей проводятъ за чтеніемъ книгъ; напротивъ, тамъ этимъ гордятся, а объ насъ отзываются, какъ о народѣ рабскомъ, полудикомъ. Да какъ иначе о насъ отзываться? Развѣ у насъ есть свободное время для какихъ-нибудь занятій? Развѣ у насъ учатъ съ малолѣтства чему-нибудь бѣдняка? Развѣ у насъ есть полезныя и доступныя книги для работника? Гдѣ и чему они могутъ научиться? А загляните въ русскую народную литературу! ничего не можетъ быть разительнѣе того примѣра, что у насъ издаются для народнаго чтенія такія книги, какъ «Бова королевичъ», «Ерусланъ Лазаревичъ», «Ванька Каинъ», «Женихъ въ чернилахъ и невѣста во щажъ» и т. п. Оттого-то въ нашемъ рабочемъ народѣ и сложились такія понятія о чтеніи: одно—забавное, а другое—божественное. Я думаю, каждому извѣстно, что у насъ въ Россіи рабочіе все еще не избавлены отъ преслѣдованій за чтеніе книгъ; а въ особенности, если у него увидятъ книгу, въ которой говорится о его положеніи—тогда ужъ держись! Ему прямо говорятъ: «ты, братъ, не похожъ на рабочаго, ты читаешь книги». И страннѣе всего то, что и ироніи не замѣтно въ этихъ словахъ, что въ Россіи походить на рабочаго то же, что походить на животное. Господа! неужели кто полагаетъ, что мы, работники, ко всему на столько глухи, слѣпы, и нѣмы,

и глупы, что не слышимъ, какъ насъ ругаютъ дураками, лѣнтяями, пьяницами? Что ужъ какъ будто и на самомъ дѣлѣ работники заслуживаютъ слыть въ такихъ порокахъ? Неужели мы не видимъ, какъ вокругъ насъ всѣ богатѣютъ и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можемъ сообразить и понять, почему это мы такъ дешево цѣнимся и куда дѣвается нашъ невыносимый трудъ? Отчего это другіе роскошествуютъ, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуемъ, какъ тяжело повисла на насъ, такъ называемая, всесловная воинская повинность? Неужели мы не знаемъ, какъ медленно и нехотя рѣшался вопросъ о введеніи сельскихъ школъ для образованія крестьянъ, и не видимъ, какъ сумѣли это поставить? Неужели намъ не грустно и не больно было читать въ газетахъ высказанное мнѣніе о наймѣ рабочаго класса? Тѣ люди, которые такого мнѣнія о рабочемъ народѣ, что онъ не чувствителенъ и ничего не понимаетъ, глубоко ошибаются. Рабочій же народъ, хотя и остается въ первобытномъ положеніи и до настоящаго времени не получаетъ никакого образованія, смотритъ на это, какъ на временное зло, какъ и на самую правительственную власть, временно захваченную силою, и только для одного разнообразія ворочающую все съ лица да на изнанку. Да больше и ждать отъ нея нечего! Мы, рабочіе, желали и ждали отъ правительства, что оно не будетъ дѣлать тягостныхъ

для насъ нововведеній, не станетъ поддерживать рутины и обезпечить матеріально крестьянина, выведетъ насъ изъ первобытнаго положенія и пойдетъ скорыми шагами впередъ. Но, увы! Если оглянемся назадъ, то получаемъ полное разочарованіе, и если при этомъ вспомнимъ незабвенный, предполагаемый день для русскаго народа, день, въ который онъ, съ распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обезпечить свою будущую судьбу, благодарилъ царя и правительство,—19-го февраля. И что же? И это для насъ было только одной мечтой и сномъ!.. Эта крестьянская реформа 19 февраля 61 года, реформа «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самимъ народомъ, не обезпечиваетъ самыя необходимыя потребности крестьянина. Мы по прежнему остались безъ куска хлѣба съ клочками никуда негодной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту. Именно, если свидѣтель, прикащикъ фабрики Носовыхъ, говоритъ, что у него за исключеніемъ праздничнаго дня всѣ рабочіе подъ строгимъ надзоромъ, и не явившіяся въ назначенный срокъ на работу не остаются безнаказаннымъ, а окружающія ихнюю сотни подобныхъ же фабрикъ набиты крестьянскимъ народомъ, живущимъ при такихъ же условіяхъ,—значить, они всѣ крѣпостныя! Если мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ вынуждены просить повышенія пониженной самимъ капиталистомъ заработной платы, насъ обвиняютъ

въ стачкѣ и ссылаютъ въ Сибирь,—значить, мы крѣпостныя! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вслѣдствіе перемѣны доброты матеріала и притѣсненія отъ разныхъ штрафовъ, насъ обвиняютъ въ составленіи бунта и прикладомъ солдатскаго ружья приневоливаютъ продолжать у него работу, а нѣкоторыхъ, какъ зачинщиковъ, ссылаютъ въ дальніе края,—значить, мы крѣпостныя! Если изъ насъ каждый отдѣльно не можетъ подавать жалобу на капиталиста и первый же встрѣчный квартальный бьетъ насъ въ зубы кулакомъ и пинками гонитъ вонъ,—значить, мы крѣпостныя!

Изъ всего мною вышесказаннаго видно, что русскому рабочему народу остается только надѣяться самимъ на себя и не отъ кого ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи.

Предсѣдатель вскакиваетъ и кричитъ: «Молчите! Замолчите!»

Петръ Алексѣевъ, (возвысивъ голосъ, продолжаетъ): она одна братски протянула къ намъ свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны Россійской имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значать и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, брат-

ски протянула къ намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благоприятный для всѣхъ стонущихъ путь. Она одна, не опуская руки, ведетъ насъ, раскрывая всѣ отрасли для выхода всѣхъ нашихъ собратьевъ изъ этой лукаво построенной ловушки, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ насъ самостоятельными проводниками къ общему благу народа. И она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока (говорить, поднявъ руку) подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда...

Предсѣдатель волнуется и, вскочивъ, кричить: «молчать! молчать!»!

Петръ Алексѣевъ (возвышая голосъ)... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!..

II. Варленъ передъ судомъ исправительной полиціи.

Въ маѣ 1868 года въ Парижѣ судились за участіе въ недозволенномъ сообществѣ переплетчикъ Варленъ, красильщикъ Малонъ и семеро другихъ ихъ товарищей-рабочихъ. Недозволенное сообщество, за которое они судились, было основано за три года передъ тѣмъ и называлось «Международнымъ Обществомъ рабочихъ». Весною 1868 года оно было еще не очень велико, но заставило уже задуматься всѣхъ враговъ рабочаго класса, всѣхъ богатыхъ, живущихъ чужимъ трудомъ людей (буржуазію).

Дѣло въ томъ, что, основавши это общество, рабочіе въ первый разъ начали дѣйствовать сами по себѣ, совершенно отдѣльно отъ всѣхъ нерабочихъ партій, тогда какъ раньше они всегда надѣялись, что ихъ осчастливятъ тѣ или другіе люди изъ высшихъ классовъ, и надѣялись понапрасну. На этотъ разъ, соединившись въ «Международное Общество», рабочіе разныхъ странъ рѣшили обходиться безъ руководства какихъ бы то ни было благодѣтелей и добиваться общими силами лучшаго будущаго для всѣхъ трудящихся,

ни на кого, кромѣ самихъ себя, не рассчитывая. «Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», написали они въ своемъ уставѣ и твердо держались этого правила, принимая въ общество только такихъ людей изъ другихъ классовъ, которые совершенно перешли на сторону рабочихъ, и ничего не хотѣли, ничего не добились, кромѣ устройства рабочаго дѣла.

Другою, небывалою раньше, особенностью новаго общества была его международность. Понявши, что рабочіе вездѣ, во всѣхъ государствахъ, одинаково страдаютъ, что у нихъ одни враги и что, какъ бы ни ссорились между собою эти враги, противъ рабочихъ они всегда и всѣ заодно,—понявши все это, рабочіе разныхъ странъ рѣшили тоже стоять заодно и общими силами добиваться лучшаго будущаго. Съ тѣхъ поръ они никогда не измѣняли этому рѣшенію. Понимающіе свое положеніе рабочіе всѣхъ западныхъ государствъ—нѣмецкіе, напримѣръ, считаютъ своихъ собственныхъ нѣмецкихъ хозяевъ и всякихъ другихъ нѣмецкихъ господъ чужими людьми и своими врагами, а французскихъ, англійскихъ и всякихъ другихъ рабочихъ считаютъ своими товарищами и братьями. Братьями же считаютъ они и русскихъ рабочихъ и твердо были увѣрены, что, какъ только русскіе рабочіе поймутъ свои интересы, они также будутъ вмѣстѣ съ рабочими всѣхъ странъ бороться за лучшее будущее для всего трудящагося люда.

Какую силу придалъ рабочимъ этотъ международный союзъ, сейчасъ же сказалось при стачкахъ. Стачки повсюду случались и раньше, какъ случаются и у насъ въ Россіи. Но такъ какъ стачечники полагались только на свои силы, то по большей части хозяевамъ не трудно было справиться съ ними, голодъ скоро заставлялъ ихъ вернуться въ мастерскія, ничего не добившись. Часто дѣла кончались еще хуже. За самую стачку почти нигдѣ въ Европѣ не наказываютъ. Чтобы вмѣшались войска или даже полиція, надо, чтобы случились какіе-нибудь беспорядки, чтобы рабочіе подрались, повыбивали стекла въ окнахъ или поломали что-нибудь на фабрикѣ. И при всякой большой стачкѣ хозяева обыкновенно очень желали и даже старались о томъ, чтобы поскорѣе случилось что-нибудь подобное. При малѣйшихъ беспорядкахъ приходили войска, арестовывали зачинщиковъ, то-есть, всѣхъ рабочихъ поумнѣе и посмѣлѣе; кто сопротивлялся, тѣхъ застрѣливали, а остальные, лишенные всѣхъ лучшихъ товарищей, молча принимались за работу. Наконецъ, у хозяевъ было и еще средство справиться со стачкой. Они часто вызывали на мѣсто своихъ стачнувшихся рабочихъ какихъ-нибудь другихъ, или изъ сосѣднихъ городовъ, или изъ другихъ государствъ.

Международное Общество знало, что стачками нельзя добиться никакихъ большихъ улучшеній въ судьбѣ рабочихъ, но знало также и то,

что безъ стачекъ при настоящихъ порядкахъ обойтись нельзя, что часто только этимъ способомъ и можно помѣшать хозяевамъ сбавлять безъ конца и безъ того ничтожную заработную плату, поэтому Общество рѣшило, разъ ужъ случаются стачки, дѣлать все возможное для того, чтобы онѣ были удачны, помогать имъ всеми своими силами. При каждой крупной стачкѣ выборные люди Международнаго Общества извѣщали о ней своихъ сочленовъ въ другихъ городахъ и странахъ, и повсюду по мастерскимъ и фабрикамъ начинались сборы на помощь стачечникамъ. Рабочіе давали, кто что могъ, копѣйками, гривенниками, но такъ какъ дававшихъ были десятки тысячъ, то изъ гривенниковъ собирались большія суммы, и брать стачечниковъ голодомъ не стало никакой возможности.

Прекратились и беспорядки: надѣясь на успѣхъ, рабочіе сами старались не дать войскамъ никакого повода вмѣшиваться въ дѣло. Пересталъ удаваться и вывозъ рабочихъ изъ другихъ странъ. Международное Общество сейчасъ же всюду оповѣщало, чтобы никто не занимался къ хозяину, на фабрикѣ котораго идетъ стачка. Словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ вмѣшалось въ дѣло Международное Общество, хозяевамъ приходилось въ большей части случаевъ уступать требованіямъ рабочихъ. Это пугало и бѣсило хозяевъ и всю буржуазію, поэтому она повсюду подняла крикъ о необходимости преслѣдовать такое вредное общество. Пер-

вымъ взялось за эти преслѣдованія французское правительство. Тогда тамъ царствовалъ императоръ Наполеонъ III. Правительство начало отдавать подъ судъ, однихъ за другими, всѣхъ рабочихъ, которыхъ парижскіе члены Международнаго Общества выбирали для веденія своихъ дѣлъ (сбора денегъ, пріема новыхъ членовъ, переписки съ другими городами и проч.). Такими выборными Международнаго Общества были и Варленъ съ товарищами. Отданные подъ судъ, они сообща обдумали, что именно надо говорить на судѣ и поручили Варлену говорить за всѣхъ. Мы печатаемъ дальше переводъ этой рѣчи, пропустивши начало, гдѣ Варленъ отвѣчаетъ прокурору и говорить о разныхъ частностяхъ обвиненія.

Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Варленѣ и его дальнѣйшей судьбѣ.

Во время суда Варлену было 27 лѣтъ. Двадцати лѣтъ онъ пришелъ въ Парижъ, едва умѣя читать и писать. Здѣсь скоро до него дошли слухи о томъ ученіи, которое говорить, что рабочіе могутъ и должны освободиться отъ своей тяжелой доли, что отъ нихъ самихъ зависитъ добыть себѣ лучшее будущее. Онъ заинтересовался этимъ ученіемъ, захотѣлъ знать и понимать, какъ можно больше, и принялся учиться, проводя за книгами вечера, а иной разъ и ночи, такъ какъ днемъ долженъ былъ работать въ переплетной мастерской. Когда въ Парижѣ основалось Международное Общество, Варленъ однимъ изъ первыхъ вступилъ

въ него. Своимъ умомъ, а еще больше своею глубокой преданностью дѣлу, всегдашней готовностью отдать ему всѣ свои силы, онъ скоро заслужилъ любовь и уваженіе товарищей. Его нѣсколько разъ посылали на съѣзды, на которые собирались изъ всѣхъ странъ выборные люди Общества, чтобы вмѣстѣ обсуждать и рѣшать дѣла рабочаго класса. Въ 1868 году онъ былъ, какъ мы уже говорили, избранъ въ комиссію, завѣдывавшую всѣми дѣлами парижскаго отдѣла Международнаго Общества, былъ преданъ суду и вмѣстѣ со всѣми остальными подсудимыми приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ штрафу.

Выйдя изъ тюрьмы, Варленъ тотчасъ же снова взялся за дѣла Международнаго Общества, но вести ихъ стало гораздо труднѣе. Такъ какъ правительство арестовало всѣхъ выборныхъ Общества, то рабочіе рѣшили вести дѣло тайно и не дѣлать больше открытыхъ выборовъ. А Общество, между тѣмъ, быстро распространялось во Франціи, и у него были уже десятки тысячъ членовъ, разбросанныхъ по разнымъ городамъ. Объединить въ одно цѣлое этихъ многочисленныхъ членовъ, безъ возможности открыто выбирать вожаковъ, было очень трудно. Всѣхъ преданнѣе, всѣхъ энергичнѣй взялся за дѣло Варленъ. Поэтому онъ скоро сдѣлался общимъ вождемъ, «душой», какъ писали потомъ о немъ его товарищи рабочаго дѣла во Франціи. Къ нему со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ городовъ, гдѣ были члены Общества, обращались

за совѣтомъ и помощью, онъ главнымъ образомъ завѣдывалъ сборами для помощи стачечникамъ, онъ же заботился и о газетѣ, которую издавало Общество.

Трудно представить себѣ, какъ справился бы съ такой массой дѣлъ даже человекъ, который могъ бы отдавать этимъ дѣламъ все свое время, а Варлену приходилось еще работать для хлѣба, приходилось по временамъ скрываться отъ полиціи. Тѣмъ не менѣе, его хватало на все, и болѣе двухъ лѣтъ онъ оставался во главѣ французскаго рабочаго движенія. Буржуазіи удалось тогда еще разъ побѣдить это движеніе. Рабочіе были вынуждены возстать въ то время, когда у нихъ не было еще достаточно силъ для окончательнаго торжества.

Варленъ и въ возстаніи былъ впереди, онъ былъ также членомъ рабочаго правительства, а затѣмъ, когда вошли въ Парижъ посланные буржуазіей войска, онъ бился съ ними до конца, остался въ живыхъ, но былъ потомъ арестованъ на улицѣ и разстрѣлянъ по приказу генерала. Солдаты, которымъ поручено было разстрѣлять Варлена, долго водили его изъ одной улицы въ другую, выбирая удобное мѣсто для казни. Одинъ враждебный рабочимъ литераторъ шелъ, изъ любопытства, за солдатами и присутствовалъ при смерти Варлена.

Онъ такъ писалъ потомъ о немъ въ своей газетѣ: «Какія бы преступленія ни совершилъ этотъ

человѣкъ, но онъ шелъ такъ спокойно, зная, что ожидаетъ его въ концѣ пути, и умиралъ съ такою твердостью, что становилось больно смотрѣть на все это».

«Вся жизнь его была примѣрна»,—говорить о Варленѣ его товарищъ Малонъ.—«Необычайно дѣятельный, всегда рѣшительный, безконечно преданный дѣлу и при томъ очень скромный, никогда не думавшій о себѣ самомъ, Варленъ пользовался огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на всѣхъ окружающихъ. Рабочіе никогда не забудутъ этого человѣка, который такъ много сдѣлалъ для своихъ братьевъ и умеръ за нихъ».

Малонъ писалъ эти слова вскорѣ послѣ смерти Варлена. Съ тѣхъ поръ прошло 19 лѣтъ, и рабочіе не только не забыли этого человѣка, а наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ растетъ та борьба, въ которой онъ былъ однимъ изъ лучшихъ борцовъ, все большее и большее число рабочихъ во всѣхъ странахъ міра съ любовью и величайшимъ уваженіемъ вспоминаетъ его имя. Съ такой же любовью будутъ вспоминать его и русскіе рабочіе, когда начнутъ бороться за то великое дѣло, для котораго жилъ и за которое умеръ Варленъ.

В. Засулицъ.

1890 г.

Изъ рѣчи Варлена.

«Хотя предъ закономъ, господа, вы — судьи, а мы — обвиняемые, но на самомъ дѣлѣ, мы съ вами представляемъ двѣ борющіяся партіи: вы отстаиваете, во что бы то ни стало, настоящій порядокъ, защищаете то, что есть; мы хотимъ измѣнить этотъ порядокъ, мы, представители социалистической партіи. Разсмотримъ же добросовѣстно, хорошъ ли теперешній порядокъ, и виноваты ли мы, что хотимъ измѣнить его? Несмотря на объявленіе правъ человѣка, на минутное торжество народа *), и теперь еще нѣсколько человѣкъ могутъ, когда захотятъ, заставить литься цѣлыми потоками въ братоубійственной войнѣ народную кровь, хотя народъ вездѣ одинаково страдаетъ и вездѣ желаетъ одного и того же. Всѣ наслажденія достаются небольшому числу людей, которому приходится придумывать, что бы такое еще купить на свои богатства; а миллионы

*) Варленъ вспоминаетъ здѣсь о бывшемъ сто лѣтъ тому назадъ великомъ возстаніи (революціи) французскаго народа, когда послѣдній уничтожилъ королевскую власть, отнялъ всякія привилегіи у дворянъ и духовенства, но самъ остался подъ властью богатѣй, буржуазіи. Съ этой буржуазіей боролась въ шестидесятыхъ годахъ рабочая социалистическая партія, къ которой принадлежалъ Варленъ.

трудящихся страдают въ трудѣ и невѣжествѣ, терпятъ безопадное угнетеніе и остаются при старыхъ предразсудкахъ, закрѣпляющихъ ихъ рабство.

Если мы перейдемъ къ частностямъ, то увидимъ, что въ промышленности на необходимое не хватаетъ рукъ, а дорогихъ и бесполезныхъ вещей производится слишкомъ много; миллионамъ дѣтей бѣдняковъ не во что одѣться, а въ магазинахъ выставлены баснословно дорогія шали, на которыя потрачено по десяти тысячъ рабочихъ дней. Платы рабочаго не хватаетъ на самое необходимое, а вокругъ него ничего не дѣлающіе люди проживаютъ огромныя деньги. Рабство погубило древній міръ. Современное общество тоже погибнетъ, если не прекратитъ страданій большинства, если будетъ продолжать думать, что всѣ должны трудиться и терпѣть лишенія, чтобы содержать въ роскоши нѣсколько человѣкъ. Оно погибнетъ, если не захочетъ понять всю жестокость порядка, къ которому подходит такое сравненіе (Варленъ читаетъ вслухъ отрывокъ изъ статьи одного социалистическаго журнала): «что сказали бы вы, читатель, если бы, наблюдая стаю голубей, слетѣвшихъ на пшеничное поле, вы замѣтили, что изъ ста птицъ — девяносто девять, вмѣсто того, чтобы беззаботно клевать зерна, старательно собираютъ ихъ въ кучу, оставляя себѣ мякину, и отдають эту собранную кучу одному голубю, пожалуй, самому плохому изъ всей стаи;

причемъ этотъ счастливый голубь, наѣвшись до-отвала, начинаетъ важничать, портить и разбрасывать во всѣ стороны зерна, а остальные девяносто девять голодныхъ голубей только охраняють его богатства, а если который-нибудь изъ нихъ осмѣлится попользоваться хоть зернышкомъ изъ кучи, всѣ другіе набрасываются на него и выщипываютъ ему перья... Вы не видѣли, конечно, ничего подобнаго среди голубей, но такіе именно порядки установлены между людьми, такъ именно люди всегда поступаютъ».

Это ужасно, но совершенно вѣрно, продолжаетъ свою рѣчь Варленъ.

Развѣ не къ такимъ девяноста девяти принадлежитъ рабочій, который родится въ нищетѣ, растетъ, голодая, плохо одѣтый, въ плохой квартирѣ; растетъ безъ матери, вынужденный ходить на работу и оставлять его безъ призора, на жертву тысячамъ случайностей, которыя грозятъ заброшенному ребенку. И очень часто онъ пріобрѣтаетъ съ самаго дѣтства болѣзнь, отъ которыхъ страдаетъ потомъ всю жизнь. Только что наберется онъ немножко силъ, лѣтъ въ восемь, на примѣръ, онъ долженъ уже начинать работать; долженъ цѣлые дни проводить за непосильнымъ трудомъ въ нездоровой мастерской, гдѣ съ нимъ грубо обращаются, гдѣ онъ не учится ничему, кромѣ пороковъ! Вырастетъ онъ — судьба его не переменится. Въ двадцать лѣтъ его возьмутъ въ солдаты и запрутъ въ казармы или пошлутъ на войну, гдѣ

онъ можетъ быть убитымъ, не узнавши даже, за что сражался. Если онъ возвратится живымъ, онъ можетъ жениться, что бы тамъ ни говорили добродѣтельный англичанинъ Мальтусъ и французскій министръ Дюшатель, которые полагаютъ, что рабочимъ не слѣдуетъ обзаводиться семьей, что и самихъ-то бѣдняковъ, не находящихъ пропитанія, никто не принуждаетъ оставаться въ живыхъ.

Но рабочій все-таки женится, и тутъ-то, когда у него родятся дѣти, онъ узнаетъ весь ужасъ нужды, съ ея болѣзнями, дороговизной, безработицей. Если подъ влияніемъ этой нужды онъ потребуетъ прибавки заработной платы, то въ Англіи его голодомъ заставятъ замолчать, въ Бельгійи его застрѣлятъ, въ Италіи посадятъ въ тюрьму, въ Испаніи противъ него объявятъ осадное положеніе, въ Парижѣ потащатъ въ судъ»...

Предсѣдатель суда прерываетъ Варлена.

«Въ Парижѣ,—говоритъ онъ,—никого не тащатъ. Подсудимыхъ приводятъ въ судъ и часто обращаются съ ними слишкомъ снисходительно. Возьмите свои послѣднія слова назадъ, иначе я не могу позволить вамъ продолжать вашу защитительную рѣчь». Варлень, посовѣтовавшись съ остальными подсудимыми, соглашается взять назадъ слово: «потащатъ».

Предсѣдатель.—Вы не должны ни съ кѣмъ совѣтоваться. Берете ли вы свои слова назадъ по своей собственной волѣ?

Варлень.—Беру.

Предсѣдатель.—Продолжайте вашу защиту.

Варлень.—«Всюду съ страшными усиліями рабочій влечитъ свое существованіе среди лишений и оскорбленій. Въ зрѣломъ возрастѣ ему нечѣмъ помянуть свою молодость, и онъ долженъ со страхомъ ждать старости. Если у него нѣтъ семьи, или семья его слишкомъ бѣдна, то, какъ только пропадетъ его рабочая сила, онъ будетъ арестованъ за нищенство и безпріютность и, какъ преступникъ, умретъ въ заключеніи.

А этотъ человѣкъ вчетверо больше сработалъ, чѣмъ израсходовалъ на своемъ вѣку.

— Что же сдѣлало общество съ остальными тремя четвертями его работы?

Оно отдало ихъ сотому голубю.

Этотъ сотый—сынъ богатыхъ родителей—окрыленъ съ самаго рожденія всѣми заботами и всею роскошью. Его дѣтство проходитъ среди ласкъ и удовольствій. Учителя даютъ ему всякія знанія. Его молодость переполнена наслажденіями: роскошь, игра, кутежъ и продажная любовь—все къ его услугамъ.

Насытившись всѣмъ на свѣтѣ, онъ женится, и семья его окружаетъ своими тихими радостями. За плату онъ послалъ вмѣсто себя на опасности войны брата той дѣвушки, которую купилъ или соблазнилъ; но его все-таки будутъ прославлять за патріотизмъ, на него будутъ сыпаться почести, чины и награды! Ему нечего опасаться старости,

онъ видитъ впереди лишь исполненіе своихъ честолюбивыхъ мечтаній. Вѣдь онъ богатъ! А между тѣмъ этотъ счастливецъ никогда не работалъ, ничего не произвелъ; онъ всю жизнь только пользовался лишеніями девяносто девяти своихъ братьевъ... Среди этой роскоши и нищеты, угнетенія и рабства, невѣжества и разврата, насъ одно только и утѣшаетъ: мы знаемъ изъ исторіи, какъ непроченъ тотъ порядокъ, при которомъ люди могутъ умирать съ голоду у пороговъ дворцовъ, переполненныхъ всѣми благами міра.

Присмотритесь, и вы увидите глухую ненависть между богатымъ классомъ, охраняющимъ теперешнее положеніе, и рабочимъ, который хочетъ завоевать себѣ лучшее будущее. Богатый классъ вернулся къ предрасудкамъ, исчезнувшимъ сто лѣтъ тому назадъ, среди него развился самый бѣшеный развратъ, всякій думаетъ только о себѣ. Все это—признаки близкаго паденія; земля уходитъ изъ-подъ вашихъ ногъ, берегитесь!

Классъ, который до сихъ поръ появлялся въ исторіи лишь во время возстаній, для того, чтобы уничтожить какую-нибудь великую несправедливость; классъ, который угнетали всегда и всѣ правительствъ,—рабочій классъ—узналъ, наконецъ, что именно нужно сдѣлать, чтобы уничтожить все зло и всѣ страданія. Съ вашей стороны было бы очень разумно—не мѣшать его справедливому дѣлу... Буржуазія не можетъ ничего противопоставить рабочимъ, кромѣ насилій и жестоко-

стей... Но насилія только ускоряютъ взрывъ. Если бы буржуазія не хотѣла быть бесполезно жестокой, ей слѣдовало бы уступить мѣсто людямъ, вѣрящимъ въ лучшее будущее, и трудящимся надъ подготовленіемъ справедливаго общественнаго порядка.

Пусть буржуазія пойметъ, что такъ какъ она не можетъ дать людямъ того, что имъ нужно въ настоящее время, ей остается только исчезнуть въ рядахъ молодого рабочаго класса, который приносить человѣчеству истинное равенство, союзъ и свободу».

Петру Алексѣеву.

«Барству да маклачеству
Неужель потворствовать?!
Не хотѣлось молодцу
Кланяться, холопствовать!
Не взлюбило пылкое
Сердце некорорное
Путь дорожку битую,
Правду неодожижную,
Божій свѣтъ увидѣла
Голова удалая
И возненавидѣла
Долю подневольную,
Волюшку забитую,
Злобу океанную,
Злобу ядовитую;
Вызвать въ бой осмѣлилась
Гордо, безъ смущенія,
Царскую опричнину,
Силу угнетенія.
Эхъ же, и озлобились
Подлостью богатые
Палачи народные,
Палачи проклятые!
Каменное, жесткое,
Сердце ихъ гранитное
Ядомъ переполнилось,
Местью ненавистною.
Говорятъ удалому
«За свободомысліе,
Чувства безкорыстныхъ,
Да за жизнь рабочую,

Трудную да сѣрую
Нелучи наградушку
Нашу полной мѣрою:
Ты слюбился съ волошгой,
Что съ душой дѣвицею,
Такъ спознайся, молодець,
Съ душною темницею.
Не взлюбилъ ты гоорюшко
Жизнь раба бездольную—
Такъ ужъ вышей, молодець,
Горя чашу полную.
Чтобы гребню частому
Не было работунки,
Этой непоклончивой
Сбрѣемъ поль-головунки;
Въ званіи кандальника
Битаго, голоднаго,
Ройся въ адекой темени
Рудника холоднаго;
Знай, землицу матушку
Заступомъ подкапывай,
Пѣсни пой о волошкѣ,
Да цѣпями побрякывай!
Думаль ты, для родины
Цѣпи рабства пагубны,
Такъ добудь желѣзца намъ,
Намъ на цѣпи надобно!
А ужъ цѣпи выкуемъ,
Такъ на славу: тонкія,
Хоть тяжеловатія,
Да, какъ гусли, звонкія».
Голова удалая
Все жъ не поклонилася,
Сердце молодецкое
Все жъ не покорилося:
«Что жъ! закуйте въ цѣпь меня»

И обрѣйте голову,
 Но не сброшу съ плечь своихъ
 Я креста тяжелаго;
 Не бѣгу страданія,—
 Сила въ немъ великая,—
 Передъ нимъ разсѣется
 Ваша злоба дикая,
 На него помолится
 Весь народъ задавленный,
 Славой увѣнчается
 Вами обезславленный!»

Вербовчанинъ.

с 2000.

Петроградского Совета Рабоч. и Красноарм. Депутатов.

Смольный Институт, 2-й этаж, комн. 51, тел. 34, Конт., комн. 54.

	Цена. Р. К.
Д. Рязанов. «Две правды». (Марксизм и народничество)	— 90
Его же. «Обуховское дело»	— 70
Его же. «19-е февраля»	— 75
Его же. «К. Маркс и русские люди 40-х годов»	1 80
Ю. Стеклов. «Черная сотня во Франци»	1 20
Его же. «Революция 1848 года во Франци»	1 20
Его же. «Прудон»	— 80
Его же. «Поль Лафарг» (2-е изд.)	— 55
Его же. «Новейшее течение во французском антисемитизме»	1 —
Его же. «Интернационал», ч. I	— —
Его же. «Интернационал», ч. II	2 25
Самойлова. «О безработице»	1 10
Л. Троцкий. «Труд, дисциплина и порядок»	— 30
Его же. «Слово к рабочим и крестьянам»	— 45
К. Цеткин. «За большевиков»,	— 45
Его же. «Женский вопрос, интеллигентный пролетариат и социализм»	— 70
** «Мировая война», с предисловием Г. Зиновьева	— —
Г. Зиновьев. «Речь о создании красной армии» (2-ое изд.)	— 25
К. Радек. «Анархисты и советская власть».	— 12
К. Цеткин. «Борьба за свободу и мир в России»	— 12
Н. Ленин. «Борьба за хлеб»	— 40
И. Степанов. «Жан Поль Марат и его борьба с К—Рев.»	— 40
«Вождь рабочих перед судом капиталистов».	— 12
Кий. «Республика советов»	— 25
Карл Маркс. «Наемный труд и Капитал»	— 40
Горичев. «Таблицы исчисления платы от 150 до 800—1000 р. при 8 и 6 часовом рабоч. дне	2 50

Печатаются:

- Н. Ленин. «Заключительное слово на 4-м съезде Совдепов».
- Его же. «За 12 лет», сборник статей.
- К. Каутский. «Этика».
- Его же. «Сборник статей».
- Ф. Энгельс. «Философия, политическ. экономия и социализм» (Анти-Дюринг).
- Лиссагаре. «История Парижской коммуны».

Петроградского Совета Рабоч. и Красноарм. Депутатов.

Смольный Институт, 2-й этаж, комн. 51, тел. 34, Конт., комн. 54.

Литературный сборник посвященный памяти Г. В. Плеханова.

Илья Ионов. «Алое поле». Стихотворения. (2-ое изд.).

В. Князев. «Красные звоны и песни».

Барбюс. «Огонь». Дневник полувзвода. Перев. Арденина.

Бebelь. «Мемуары», в 3-х томах.

Его же. «Положение женщины в настоящем и будущем».

Арну. «Народная история Парижской коммуны».

В. Блос. «История Французской революции».

В. Либкнехт. «К юбилею мартовской революции».

Его же. «Воспоминания о К. Марксе».

Его же. «Два мира».

П. Лафарг. «Труд и капитал».

Эйснер. «В. Либкнехт, его жизнь и деятельность».

Бакс. «Великая Французская революция».

Басов (Верхоянцев). «Венок» (сказки).

Кунов. «Французская пресса во время Франц. революции».

В. Морис. «Вести ниоткуда» (утопия).

Лафарг. «Поклонение золоту».

К. Цеткина. «Школьный вопрос и рабочий класс».

Степанов. «Кто богатеет и кто разоряется от войны».

Чиколини. «Происхождение современной войны».

Н. Ленина. «Уроки Революции».

Ю. Ларин. «Преодолевствие в Германии и России».

Бухарин. «Программа Коммунистов» — 80 к.

Книжный склад Петрогр. Совета Рабочих и Красноарм. Депут. располагает большим выбором книг по всем общественно-политическим вопросам. Отдел принимает на себя составление библиотек и содействует продаже литературы на местах.

Организациям и книжным складам предоставляется скидка. Заказы в провинцию исполняются при получении задатка.

Адресовать: Петроград, Смольный, 2-й этаж, Контора, комн. 54, ком. 51. Книжный складъ.